

Причины и особенности возникновения модерного гражданского общества: версия Иммануила Валлерстайна

Аннотация

В статье рассматривается отличная от традиционно предлагаемой в западной социологической теории версия возникновения современного гражданского общества. Согласно ей, появление последнего обусловили обстоятельства, сложившиеся в результате развития современной мир-системы. В статье показаны особенности создания современного гражданского общества и особенности включения низшей страты современной мир-системы в его границы.

Ключевые слова: *современное гражданское общество, Французская революция, современная мир-система, европейская капиталистическая мир-экономика, капиталистический класс мир-экономики, низшая страта, городские средние классы*

Вопросы о том, где, когда и почему возникло современное гражданское общество, казалось бы, в целом прояснены. По крайней мере среди евроцентристски настроенных социологов вроде бы достигнуто согласие в плане ответов на них. Но аргументы, которые приводит Иммануил Валлерстайн, расширяют проблемное поле интерпретационных объяснений исторического возникновения и развития современного гражданского общества. Конечно, Валлерстайн не является исследователем этого феномена. Но в теории современной мир-системы, разработанной американским ученым, можно выделить положения, касающиеся данной проблематики. И они побуждают к

тому, чтобы вновь задуматься над причинами и особенностями возникновения современного гражданского общества.

Если остановиться на дефиниции, то современное гражданское общество в самом общем смысле определяется как автономная сфера общества, отделенная от иных сфер, в частности от хозяйства, государства и семьи. Эта сфера выделяется тем, что в ней реализуется свободная открытая рациональная коммуникация. Ненси Фрейзер называет следующие признаки современного гражданского общества: оно территориально совпадает с национальным государством; в результате коммуникации в его границах происходит выработка общественного мнения, всегда адресованного государству, обладающему суверенитетом над данной территорией; участниками коммуникации выступают члены легально конституированного политического сообщества — нации, то есть граждане государства, которые могут объединяться в разного рода неправительственные и нехозяйственные добровольные ассоциации, организации и движения; каждый гражданин имеет право участвовать в дискуссиях на равных с другими гражданами; коммуникация реализуется через национальные масс-медиа, которые объединяют между собой территориально разобщенных собеседников; коммуникация предполагает наличие общего лингвистического медиума — национального языка [Transnationalizing, 2014: p. 11–12].

Современное гражданское общество функционирует так, что в его границах привлекается внимание к действиям, событиям, состояниям дел и т.п., которые, имея место в разных сферах общества, нарушают справедливость и наносят ущерб всеобщему благу. Граждане государства “возмущаются” и в коммуникативных сетях публичной сферы осуществляют их всестороннее обсуждение, чтобы достичь консенсуса в плане отношения к ним и касательно выбора путей исправления ситуации. В результате генерируется общественное мнение, и через него современное гражданское общество легитимно оказывает давление на административный аппарат современного государства, заставляя последний принимать и реализовывать решения, призванные восстановить нарушенную справедливость и исправить вред, нанесенный общему благу. Участвуя в коммуникативных процессах выработки общественного мнения, граждане убеждаются в том, что они реально влияют на организацию отношений в тех или иных общественных сферах. Общество тогда становится для них их собственным “жизненным миром”, который они сами для себя конституируют, а между ними укрепляется чувство принадлежности к одному национальному сообществу, то есть крепнет социальная солидарность.

Традиционно особенности возникновения современного гражданского общества осмысливаются в контексте развития Европейской цивилизации. Согласно известной общепринятой схеме, эта цивилизация зарождается в Древней Греции и в своем развитии последовательно проходит ряд исторических стадий (эпох): эллинско-римскую, Средневековье, эпоху Возрождения, эпоху раннего модерна и эпоху позднего модерна. В соответствии с этой схемой современное гражданское общество также зарождается в античной Греции. Но на той стадии это еще некая “протоформа”. В ходе развития Европейской цивилизации в контексте дальнейших эпох возникают другие его “протоформы”. И только в течение двух последних стадий гражданское общество приобретает современный вид. Подобное мнение часто воспроизводится в работах как отечественных, так и зарубежных ученых. В качестве

примера могут служить исследования историка гражданского общества Джона Эренберга [Ehrenberg, 1999] или политологов Стивена ДеЛю и Тимоти Дейла [DeLue, 2016].

Главной причиной появления современного гражданского общества на стадиях раннего или позднего модерна называют развитие капиталистических отношений, как раз начинающееся в этот период в Европе. Оно приводит и к появлению таких важных факторов, как современное государство, класс буржуазии и нация. По мнению Юргена Хабермаса, современное гражданское общество впервые возникает в XVII веке в Англии и Франции, где капиталистические отношения начинают развиваться раньше, чем в других странах. Тогда же появляются и термины, обозначающие новую сферу общества — английское понятие “civil society” и французское “la société civile”. А вот в Германии современное гражданское общество возникает позже — во второй половине XVIII века, поскольку эта страна с опозданием перешла на “капиталистические рельсы” [Хабермас, 2000: с. 46]. Появляется также понятие “bürgerliche Gesellschaft” — именно так Иммануил Кант переводил английское “civil society” на немецкий язык. Считается, что важную роль в становлении современного гражданского общества сыграла Французская революция, поскольку окончательно разбила феодальные кандалы, сдерживавшие развитие капитализма, и, как следствие, создала условия для расцвета гражданского общества во всей полноте [Хабермас, 2003: с. 7–8, 12].

Иммануил Валлерстайн подвергает сомнению правильность приведенной выше объяснительной схемы. Во-первых, американский исследователь скептически относится к тому, что истоки современного гражданского общества (как и истоки Европейской цивилизации в целом) находятся в Древней Греции. Во-вторых, ученый не считает, что непосредственной причиной его появления стало развитие “буржуазных” рыночных отношений, однако признает ключевое значение Французской революции. Контекстом, в котором Валлерстайн осмысливает возникновение современного гражданского общества, является современная мир-система — европейская капиталистическая мир-экономика. Она зарождается в Европе в ходе “долгого XVI века” и существует по сей день. Современное гражданское общество является “продуктом” ее развития и впервые появляется в конце XVIII — в начале XIX века. Аналитическая особенность Валлерстайнова подхода заключается в попытке понять, почему мир-экономика развивалась именно так, а не иначе, в силу чего в данный исторический период в ее границах сложились условия для таких фундаментальных социальных изменений, как появление новой коммуникативной гражданской сферы общества. Что именно произошло в ходе ее развития, что вызвало эти изменения? А произойти должно было нечто существенное, ведь около трехсот лет мир-экономика нормально функционировала без такого феномена, как современное гражданское общество.

Автор намеревается выделить и обобщить положения теории современной мир-системы Иммануила Валлерстайна, касающиеся причин и особенностей возникновения современного гражданского общества. Статья состоит из трех параграфов: 1) поскольку Французская революция стала ключевым событием, то в первом пункте обобщается ее осмысление в теории современной мир-системы Валлерстайна; 2) во втором рассматриваются особенности создания современного гражданского общества; 3) в третьем — особенности

включения низшей страты мир-экономики в сферу современного гражданского общества.

Осмысление Французской революции в мир-системном анализе Иммануила Валлерстайна

В своей теории современной мир-системы Иммануил Валлерстайн обоснованно показал, что страны, входящие в состав мир-экономики, не могут быть охарактеризованы как капиталистические или феодальные. Капиталистический способ производства — это атрибут современной мир-системы, а не отдельных единиц, которые возникают и существуют в ее границах. О странах, которые входят в ее состав, можно сказать, что они например, более развиты или менее развиты. Развитость страны коррелирует с местом, которое она занимает в осевом разделении труда в мир-экономике, — в зоне ядра, полупериферии или периферии [Wallerstein, 2011a: p. 67, 84–86].

Соответственно, Валлерстайн показывает, что Французская революция по своей сути не могла быть “буржуазной” в том смысле, что она обусловила переход от феодализма к капитализму, поскольку Франция в XVIII веке не была “феодальной” страной. Это была едва ли не самая развитая страна ядра мир-экономики. Именно во Франции производство промышленной продукции впервые превысило производство сельскохозяйственной; а между 1732 и 1766 годами товаров текстильной промышленности было произведено вдвое больше, чем в Великобритании. На ее территории были расположены наиболее индустриализированные районы Европы, такие как Лилль, Ренн или Руан. С другой стороны, французские дворяне были не ленивыми, неповоротливыми и нерациональными феодалами, которые бы тормозили развитие “рыночных отношений”, но — активными, смекалистыми и успешными капиталистами-землевладельцами, которые эффективно использовали возможности мирового рынка для аккумуляции капитала. По экономической роли, которую они выполняли в пределах современной мир-системы, французские дворяне ничем не отличались от французских капиталистов-промышленников. И первые, и вторые были представителями одного класса мир-экономики — капиталистического. Изображение Французской революции как события, в основе которого лежит классовый антагонизм между “буржуазией” и “феодалами”, является мифом [Wallerstein, 1989: p. 40–43, 78].

Усилиями, в частности, таких ученых, как Теда Скочпол, Чарльз Тилли и Джек Голдстоун, в социологии была разработана объяснительная модель, в которой основной причиной современных революций определен внутриэлитный конфликт, приводящий к коллапсу государства. Согласно этой модели, революция всегда начинается “сверху” — в среде элит. Чтобы она свершилась, должны совпасть два ключевых фактора. Первым является фискальный кризис государства: государство оказывается в ситуации, когда оно больше не в состоянии выплачивать внешний долг, а также финансировать собственные армию, полицию и службы безопасности. Фискальный кризис нередко обуславливается военными причинами: непомерными затратами на армию и военными поражениями. Фатальным, однако, он становится тогда, когда сливается со вторым фактором — с расколом среди элит в отношении того, как следует выходить из сложной ситуации. Когда внутриэлитный конфликт обостряется настолько, что любые договоренности и

хотя бы минимальный консенсус становятся невозможными, функционирование государственной машинерии парализуется, и монополия на легитимное применение насилия разваливается. Это впервые открывает путь стихийному восстанию широких народных масс и ведет к свержению существующего режима [Does, 2013: p. 58].

Французская революция, как ее понимает Иммануил Валлерстайн, в целом описывается вышеупомянутой моделью. Но ученый добавляет сюда контекст современной мир-системы. Согласно Валлерстайну, мир-экономика развивается так, что, с одной стороны, она проходит ряд экономических подъемов и спадов, объясняющихся теорией длинных циклов Кондратьева, а с другой — в ее пределах время от времени появляются государства-гегемоны. Последние играют важную роль в ее функционировании — они способны обеспечивать относительную стабильность и порядок в мир-экономике, но период их гегемонии непродолжительный. Когда такое государство сходит с пьедестала, начинается борьба за вакантную позицию. С этого момента порядок в мир-экономике нарушается. В ней начинается период разлада и турбулентности, в течение которого происходят затяжные мировые войны. Как правило, за место гегемона ведут борьбу два государства ядра.

Согласно теории современной мир-системы, примерно в 1675 году Объединенные Провинции Нидерландов утратили статус государства-гегемона. Период относительного покоя в мир-экономике закончился. Конец XVII века и две трети XVIII века проходят под знаком борьбы Великобритании и Франции за гегемонию, кульминацией которой стала Семилетняя война. Франция потерпела поражение в войне и одновременно фактически проиграла борьбу. Великобритании потребовалось некоторое время, чтобы окончательно закрепить свою победу и в итоге занять место государства-гегемона современной мир-системы.

Для Франции последствия поражения оказались очень тяжелыми. Ее позиции в мир-экономике ухудшились. Страна утратила ключевые колонии — Индию и Новую Францию, — где производилось сырье для текстильной и некоторых других отраслей ее промышленности и где находились защищенные монопольные рынки сбыта промышленных товаров. В совокупности со значительными военными затратами это пошатнуло финансовую стабильность Франции. Баланс между доходами и расходами нарушился, и Франции пришлось увеличивать объем внешних заимствований, наращивая государственный долг. В 1788 году затраты на обслуживание государственного долга достигли 50% бюджета — государство вплотную приблизилось к банкротству [Wallerstein, 1989: p. 81, 84–85].

Уже в конце 60-х — в начале 70-х годов XVIII века французские элиты начинают искать способы улучшения сложной финансовой ситуации. Предлагаются два конкурентных варианта. Капиталисты-промышленники наиболее действенное решение усматривают в существенном повышении уровня налогообложения сельскохозяйственных предприятий капиталистов-землевладельцев. Этот уровень традиционно был низким, ведь последние имели налоговые привилегии, гарантированные им дворянским статусом. Капиталисты-землевладельцы противились внедрению любых механизмов, способных перераспределить их прибыль в пользу государства. Выход из кризиса они видели в либерализации торговли. В 1786 году капиталисты-землевлa-

дельцы смогли протолкнуть подписание государством торгового договора с Великобританией, по которому Франция открывала доступ британским промышленным товарам на свой рынок, а Великобритания открывала свой рынок для французской сельскохозяйственной продукции. Ставка делалась на пополнение государственных финансов за счет таможенных поступлений от импорта британской промышленной продукции. Но расчет не оправдался — финансовая ситуация не улучшилась [Wallerstein, 1989: p. 86–88].

В то же время ухудшились позиции капиталистов-промышленников, которых британские конкуренты стали понемногу вытеснять не только с внешних рынков, но и с французского внутреннего рынка. Капиталисты-промышленники давили на государство с требованием принять радикальные меры: более жестко продвигать их интересы в пределах мир-экономики, существенно расширить базу налогообложения, создать таможенные барьеры для защиты местной промышленности и торговли от иностранной конкуренции. Капиталисты-землевладельцы, со своей стороны, противостояли внедрению ограничительных торгово-экономических ограничений и мер, направленных на усиление государства, категорически отрицая возможность повышения налогообложения и настаивая на дальнейшей либерализации. Капиталисты-землевладельцы на полном серьезе задумывались даже над вариантом отката Франции к полупериферии, по примеру Испании или Португалии, и рассматривали возможность частичной деиндустриализации страны [Wallerstein, 1989: p. 89–92].

В 1789 году состояние государственных финансов Франции было критическим. Но выработать программу выхода из ситуации не удавалось из-за непримиримого противоборства элит. В какой-то момент в условиях острого фискального кризиса внутриэлитный конфликт достиг высшей точки обострения. Принятие решений государством в принципе стало невозможным, его функционирование разладилось. Механизмы легитимного применения насилия дали сбой, и в обществе возник вакуум власти. Дамба была разрушена, и в образовавшийся пролом хлынули потоки широких народных масс — во Франции началась революция.

Итак, согласно Валлерстайну, Французская революция была следствием острого внутриэлитного конфликта в отношении строя и базовой политики государства. Конфликт возник между двумя фракциями капиталистического класса мир-экономики — капиталистами-промышленниками и капиталистами-землевладельцами, — которые имели во Франции свою территориальную базу. Он был вызван проигрышем Франции в борьбе за гегемонию в мир-экономике и заострился в обстоятельствах фискального кризиса французского государства. И только после этого на исторической арене появились восставшие широкие народные массы — низшая страда и городские средние классы. Революционные восстания были начаты низшей страдой, а чуть позже к ним присоединились городские средние классы. Представители последних в конечном счете и возглавили революционные восстания.

Особенности создания современного гражданского общества

В результате Французской революции подобно джину из сосуда на историческую арену был выпущен новый субъект — широкие народные массы, и те направили энергию на осуществление радикального перераспреде-

ления прибавочной стоимости в свою пользу. Массы стремились разрушить структуры и механизмы мир-экономики, которые делали возможным бесконечное накопление капитала. Поэтому Французская революция, по убеждению Валлерстайна, имела антисистемный, а вовсе не “буржуазный” характер. Вообще с момента возникновения мир-экономики широкие народные массы в любой момент были готовы разразиться антисистемным восстанием, и только сила государственной машинерии не давала этому произойти. И вот во Франции случился коллапс государства, чем массы сразу же воспользовались. Поскольку взрыв произошел в ключевой стране ядра, мир-экономика утратила свою легитимность, и революционные восстания начали распространяться по странам как ядра, так и полупериферии и периферии. Революции 1820-х годов, Июльская революция 1830 года, “буржуазные” революции 1848–1849 годов — все они, по убеждению Валлерстайна, имеют общий антисистемный знаменатель.

В ходе Французской революции восставшие массы выдвинули требование сместить локус суверенитета от монарха к народу. На практике это означало трансформацию государства с абсолютистской монархической в народную демократическую. В случае удовлетворения такого требования широкие народные массы получали в свое распоряжение реальные средства для перераспределения прибавочной стоимости, а капиталистический класс терял как власть, так и возможность дальнейшего осуществления бесконечного накопления капитала. С одной стороны, капиталистический класс был вынужден учитывать требования восставшего народа. Широкие народные массы уже невозможно было просто так “загнать обратно в бутылку”. Но с другой — он никак не мог допустить установления народного государства. Чтобы найти выход из проблемной ситуации, капиталистический класс, полагает Валлерстайн, должен был проявить смекалку и изобретательность. Ему нужно было сконструировать модель государства, которая бы на первый взгляд выглядела народной, а в действительности не являлась таковой, но все равно не теряла бы поддержки значительной части народа, и установление ее успокоило бы революционно настроенное население. Историческим решением оказалось создание модели “либерального государства”, которое, собственно, и пришло на смену абсолютной монархии [Wallerstein, 2011b: p. 1, 23].

Согласно предложенной Валлерстайном аргументации, новая модель была сконструирована как состоящая из двух базовых взаимосвязанных элементов: современного государства и современного гражданского общества. Осуществление открытой коммуникации в сфере современного гражданского общества позволило легально влиять на государство, заставляя его принимать те или иные меры. Со своей стороны, государство становилось подотчетным современному гражданскому обществу и ориентировалось на его требования; решения, которые оно принимало, должны были соответствовать воле гражданского общества. В идеале при помощи такой схемы должен был бы реализовываться “народный” характер новой модели государства, однако фактически модель делала возможным лишь ограниченное участие населения в обсуждении весьма узкого круга локальных вопросов. Ее внедрение никак не изменяло позиций капиталистического класса и не нарушало системных принципов, на которых развивается мир-экономика. Но поддержку народа, по крайней мере ключевой его части — городских средних классов, она, тем не менее, получила.

Установление новой модели государства началось с проведения конституционной и электоральной реформ в странах ядра. Принятие конституций ограничило власть монарха, а предоставление права голоса народу дало ему возможность избирать законодательные органы государства. Следующим шагом было внедрение широких гражданских прав. Равенство перед законом, свобода мысли, слова, прессы, вероисповедания, свобода объединяться в общественные организации, ассоциации и политические партии, — все эти права сделали возможным публичное обсуждение актуальных политических, экономических и прочих вопросов. В результате реформ был создан фундамент модели “либерального государства” — нация граждан.

Особенностью развития новой модели оказалось то, что электоральные и гражданские права сначала были неодинаково предоставлены городским средним классам и низшей страте. Один из политических деятелей периода Французской революции Эммануэль-Жозеф Сизэйс предложил различать “активных” и “пассивных” граждан. По его мнению, все жители страны должны иметь право на жизнь, право на защиту личности и собственности, право на свободу. Но не все имеют право формировать органы государственной власти и принимать участие в открытой коммуникации в сфере современного гражданского общества, то есть не все являются “активными” гражданами. Согласно терминологии Сизэйса, статус “активного” гражданина получили только городские средние классы, и это было не случайно [Wallerstein, 2011b: p. 145].

Получив право голоса и право легально принимать участие в коммуникативных процессах выработки общественного мнения, городские средние классы обрели уверенность, что они реально влияют на организацию общественной жизни и определяют направление ее развития. Они отошли от революционной практики, комфортно расположившись в рамках нового социально-политического порядка национальных обществ. После этого выступления низшей страты утратили свою остроту и уже не представляли серьезной опасности. Без сетевых и организационных ресурсов городских средних классов антисистемные восстания низов имели ничтожные перспективы успеха. Единственное, что оставалось низшей страте, — это удовлетвориться сомнительным статусом “пассивного” гражданина [Wallerstein, 2011b: p. 73, 75].

По мнению Валлерстайна, установление модели “либерального государства” завершилось в 1830–1832 годах в трех странах ядра мир-экономики — Великобритании, Франции и Бельгии. Главным адептом модели стали городские средние классы. На первых этапах только они были включены в современное гражданское общество как полноценные члены. Интересно, что немецкий термин “bürgerliche Gesellschaft” можно перевести как “гражданское общество”, а можно и как “общество среднего класса”. Модель “либерального государства” обеспечила структурную стабильность мир-экономики и восстановила ее утраченную легитимность [Wallerstein, 2011b: p. 74–75].

После 1832 года антисистемные восстания, происходившие в тех или иных странах мир-экономики, уже по апробированной схеме удачно направлялись в русло установления модели “либерального государства”. Из антисистемных они трансформировались либо в либеральные, либо в национальные буржуазные революции. Первые, связанные с расширением гражданских прав в пределах отдельной страны, были присущи, например, Франции;

вторые — с выделением этнонациональной группы и оформлением ее в отдельную страну с собственным современным государством, нацией и современным гражданским обществом, и происходили они в таких образованиях, как, скажем, Австрийская империя. Изменения, связанные с формированием новых политических единиц — современных национальных государств, абсолютно не нарушали функционирования мир-экономики. Просто отныне процессы аккумуляции капиталистический класс должен был осуществлять в условиях несколько иных политических реалий. Новая модель стала шаблоном для политических изменений и со временем с большим или меньшим успехом повсеместно внедрялась в пределах современной мир-системы.

Особенности включения низшей страты мир-экономики в сферу современного гражданского общества

В ходе революционных событий городские средние классы и низшая страта совместно боролись за свержение абсолютной монархии. Союз между ними, однако, распался после установления модели “либерального государства”. Новая модель не очень соответствовала интересам низшей страты — низы стремились воплотить более радикальные трансформации. Но городские средние классы считали, что главная цель революционных выступлений достигнута, что и заблокировало дальнейшее развитие антисистемных восстаний. Модель “либерального государства” стала реальностью жизни, и низшей страте пришлось приспособливаться к этой модели. Однако городские средние классы начали оказывать сопротивление расширению электоральных и гражданских прав: получив полноправное членство в современном гражданском обществе, они искали способы не пустить туда низы. В этом плане их интересы совпадали с интересами капиталистического класса современной мир-системы, который, разумеется, также не воспринимал идею политического участия низов. Образовался новый союз — теперь уже между городскими средними классами и капиталистическим классом мир-экономики, и члены этого союза направили свою активность на вытеснение низшей страты за пределы современного гражданского общества.

Проблема заключалась в том, как обосновать исключение низшей страты, чтобы это не противоречило идеологическим достижениям Французской революции — свободе, равенству и справедливости. Критерии типа благородного происхождения утратили свою легитимность. Нужно было придумать что-то новое. Иммануил Валлерстайн показывает, что для обоснования исключения низов был изобретен критерий “интеллекта”. Главным условием участия в коммуникации в сфере современного гражданского общества провозглашалась способность действовать разумно. Только если участие будет ограничено теми, кому свойственна такая способность, станет возможным коммуникативно достигнутое взаимопонимание в отношении путей правильной организации общественной жизни [Wallerstein, 2011b: p. 7].

Джефффри Александер отмечает, что с этого момента в коммуникативном поле современного гражданского общества появляются два полярных дискурса — “дискурс свободы” и “дискурс репрессии”, в основе которых лежит система бинарных символических кодов. Если социальная группа конституируется в позитивных символических кодах “дискурса свободы”, ее представителей изображают как обладающих необходимыми для участия в ком-

муникативных процессах производства общественного мнения качествами: они рациональны и критичны, не нуждаются в сильных лидерах и не подчиняются авторитету; они автономны, соблюдают закон не из-за внешних санкций, а потому что закон выражает их естественную рациональность; они высказываются ясно и не скрывают своих идей; они открыты и доброжелательны к другим членам социального сообщества и т.п. Представители такой группы соответствуют критерию “разума”, а значит, могут быть включены в сферу современного гражданского общества. В позитивных символических кодах “дискурса свободы” поначалу изображались только городские средние классы. Только они признавались достаточно компетентными для того, чтобы участвовать в открытой коммуникации в сфере современного гражданского общества [Alexander, 2006: p. 56–59, 60–61].

“Дискурс репрессии” означает “антигражданские” качества. Если социальная группа конституируется в негативных символических кодах “дискурса репрессии”, ее представителей изображают как представляющих угрозу существованию современного гражданского общества. Они не способны выносить рациональные суждения и критически осмысливать информацию; они не могут отличить правду от лжи, а значит, легко будут поддаваться манипуляциям; такие люди бесчестны, с радостью признают авторитет власти, бездумно ему подчиняются и т.п. Представители этой группы не соответствуют критерию “разума”, они должны быть вытеснены за пределы современного гражданского общества. Под “дискурс репрессии” сразу попала низшая страта мир-экономики, в частности, три следующие социальные группы: наемные рабочие, женщины и темнокожие. Представителей указанных групп рассматривали как некомпетентных из-за неспособности участвовать в гражданской коммуникации. Вряд ли они смогут внести рациональный вклад в дискуссии по актуальным для сообщества вопросам. Им должно быть отказано в членстве в современном гражданском обществе. Итак, с самого начала модель “либерального государства” была установлена так, что открытую публичную коммуникацию имела право осуществлять лишь достаточно небольшая доля народа — белые, образованные, обеспеченные мужчины [Alexander, 2006: p. 56–59, 60–61].

В пределах современного гражданского общества фактически сразу после его создания возникают социальные движения людей, оказавшихся исключенными. Рабочие движения, движения феминисток и суфражисток, движения темнокожих ориентировались на использование коммуникативных институтов современного гражданского общества с целью изобразить свои социальные группы в позитивных символических кодах “дискурса свободы” и на этом основании обосновать правомерность и необходимость включения. Однако доминирующая социальная группа — городские средние классы — стремилась расширить “дискурс репрессии” на представителей низшей страты и таким образом закрыть им доступ к членству в новообразованной коммуникативной сфере. В дискурсивной плоскости современного гражданского общества велась длительная символическая борьба за включение.

Со временем основные социальные движения достигали успеха и “затухали”. Как минимум в странах ядра и полупериферии низшая страта в итоге получила электоральные и широкие гражданские права: наемные рабочие — раньше, женщины и темнокожие — чуть позже. Но это, как показывает Валлерстайн, существенно не изменило положения этой страты в мир-экономи-

ке. Низшей страте не удалось ни осуществить перераспределение прибавочной стоимости в свою пользу, ни пошатнуть властные позиции капиталистического класса. Ее повстанческая энергия из антисистемных революций была перенаправлена в русло борьбы за включение в модерное гражданское общество. Угрозы для развития мир-экономики низшая страта больше не представляла. Полноценная интеграция низов в национальные общества способствовала формированию социальной солидарности, все больше усиливая государства ядра. Модель “либерального государства”, по мнению Валлерстайна, успешно функционировала приблизительно полтора столетия, первый ее кризис разразился в 1968 году.

На основе положений теории современной мир-системы Иммануила Валлерстайна можно сделать некоторые выводы касательно причин и особенностей появления современного гражданского общества.

1. Современное гражданское общество образуется в контексте политических изменений, произошедших в мир-экономике, — изменений, связанных с установлением модели “либерального государства”. Новая коммуникативная сфера возникает как элемент этой модели вместе с другим элементом — собственно современным государством. Таким образом, современное государство и современное гражданское общество возникают одновременно, наличие ни одного из них не является необходимым условием для возникновения другого. Поскольку это два взаимосвязанных элемента одной модели, они не могут существовать отдельно друг без друга. Их фундаментом становится политическое сообщество — нация.

2. Современное гражданское общество было сконструировано в определенной степени искусственно сознательным решением и усилиями конкретных социальных сил. Оно не возникло “естественным” путем в результате перехода Европейской цивилизации от феодализма к капитализму. Обстоятельства, способствовавшие его образованию, появились благодаря развитию мир-экономики.

3. Появление современного гражданского общества и современного государства не полностью соответствовало интересам капиталистического класса мир-экономики. Последний был вынужден пойти на их установление, чтобы усмирить широкие народные массы. Прежде капиталистический класс успешно осуществлял аккумуляцию капитала при поддержке абсолютных монархий и не ощущал потребности в коммуникативной гражданской сфере и открытой публичной политике.

4. Современное гражданское общество является сущностью контroversийной. С одной стороны, его функционирование открывает гражданам возможности влияния на организацию своей коллективной жизни, но, с другой стороны, его образование скорее создает видимость возможности влияния в том смысле, что оно ограничено территориальными границами национального государства. Напротив, структуры мир-экономики, непосредственно определяющие жизнь граждан, остаются для них недоступными.

5. Социальной группой, больше всего выигравшей от появления современного гражданского общества, были городские средние классы. Создание но-

вой коммуникативной сферы вполне соответствовало их интересам. Они не были заинтересованы в более радикальных политических переменах. Поэтому антисистемные восстания низшей страты были трансформированы в либеральные или национальные буржуазные революции во многом благодаря усилиям городских средних классов.

Источники

Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії “громадянське суспільство” / Юрген Габермас ; пер. з нім. А. Онишко. — Львів : Літопис, 2000. — 318 с.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Хабермас Ю. ; пер. с нем. — М. : Весь мир, 2003. — 416 с.

Alexander J.C. The Civil Sphere / Jeffrey C. Alexander. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 793 p.

DeLue S.M. Political thinking, political theory and civil society / Steven M. DeLue, Timothy Dale. — 3rd edition. — N.Y. : Routledge, 2016. — 388 p.

Does capitalism have a future? / [Immanuel Wallerstein, Randall Collins, Michael Mann, Georgi Derluguian and Craig Calhoun]. — N.Y. : Oxford University Press, 2013. — 192 p.

Ehrenberg J. Civil society: the critical history of an idea / John Ehrenberg. — N.Y. : New York University Press, 1999. — 285 p.

Transnationalizing the Public Sphere / [Nancy Fraser et al.] ; ed. by Kate Nash. — Cambridge : Polity Press, 2014. — 168 p.

Wallerstein I. The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century / Immanuel Wallerstein. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2011. — 410 p.

Wallerstein I. The modern world-system III: the second era of great expansion of the capitalist world-economy, 1730–1840s / Immanuel Wallerstein. — San Diego : Academic Press, 1989. — 372 p.

Wallerstein I. The modern world-system IV: centrist liberalism triumphant, 1789–1914 / Immanuel Wallerstein. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2011. — 377 p.